

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020757-8

“Три оды парафрастические псалма 143”: религия и политика в поэтическом состязании Третьяковского, Ломоносова и Сумарокова в 1743 г.

© 2022 г. В. Л. Коровин

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1,
профессор Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
КНР, 518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган,
Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1
korovinv@yandex.ru

Резюме. В статье уточняются обстоятельства создания первых переложений псалмов В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова, напечатанных в брошюре “Три оды парафрастические псалма 143...” (СПб., 1744; вышла в конце 1743 г.). Как известно, они были написаны в связи с их теоретической дискуссией о “русском стихосложении” (о семантике стоп ямба и хорей) и вынесены на суд публики в качестве результатов поэтического состязания. В данной статье внимание сосредоточено не на вопросах стиля и метрики, а на содержании этих стихотворений и дается объяснение, почему для своих первых переложений три поэта выбрали именно 143 псалом (в еврейской нумерации 144). Он относится к числу “царских” псалмов, надписан “Псалом Давиду, к Голиафу” (“Псалом Давида о Голиафе”), а в заключительных стихах имеет два противоположных по смыслу варианта чтения: в греческом варианте речь идет о временном благополучии грешников (чужого народа), в еврейском — о вечном блаженстве праведников (своего народа). С греческого был сделан славянский перевод, с еврейского — немецкий перевод М. Лютера. Все три поэта сделали переложения по славянскому тексту псалма, обнаруживая верность Православию, и вместе с тем выражая надежду, что власти немцев-лютеран в Петербургской Академии наук скоро будет положен конец. Иносказательный религиозно-политический смысл переложений 143 псалма раскрывался в сопоставлении с немецким переводом и должен был уязвить врагов Ломоносова и Третьяковского в Академии наук. Написаны три оды были между 8 и 31 августа 1743 г. вскоре после заключения Абоского мира со Швецией (который закрепил очередную победу православных русских над лютеранами шведами, Давида — над Голиафом) и освобождения Ломоносова из-под караула (где он находился с конца мая из-за конфликта с немецкими профессорами). Инициатором состязания был Сумароков, и он же, видимо, первый и предложил выбрать для поэтического состязания 143 псалом (позднее он сделает другое его переложение по еврейскому варианту). Издание “Трех од” выглядело как входящее в комплекс мероприятий ко 2-й годовщине восшествия на престол Елизаветы Петровны, и, возможно, поэтому за ним наблюдал генерал-прокурор Сената князь Н.Ю. Трубецкой.

Ключевые слова: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков, поэтические состязания, переложения псалмов, псалом 143 (144), Славянская Библия, Православие, лютеранство, императрица Елизавета Петровна, князь Н.Ю. Трубецкой, Абоский мир, история Петербургской АН.

Для цитирования: Коровин В.Л. “Три оды парафрастические псалма 143”: религия и политика в поэтическом состязании Третьяковского, Ломоносова и Сумарокова в 1743 г. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 40–51. DOI: 10.31857/S160578800020757-8

"Three Paraphrastic Odes of Psalm 143": Religion and Politics in the Poetry Contest of Trediakovsky, Lomonosov and Sumarokov in 1743

© 2022 Vladimir L. Korovin

Doct. Sci. (Philol.),
 Professor at the Lomonosov Moscow State University,
 1, bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
 Professor of Shenzhen MSU-BIT University, No. 1, International University Park Road,
 Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, PRC
 korovinv@yandex.ru

Abstract. The article clarifies the circumstances of the creation of the first translations of the psalms by V.K. Trediakovsky, M.V. Lomonosov and A.P. Sumarokov, printed in the brochure "Three Paraphrastic Odes of Psalm 143" (St. Petersburg, 1744; published at the end of 1743). As it is known, they were written in connection with their theoretical discussion about Russian versification (on the semantics of the iambic and trochee) and were brought to the public as the results of a poetic contest. In this article attention is focused not on questions of style and metrics, but on the content of these poems and for the first time an explanation is given why three poets had chosen psalm 143 (in the Hebrew numbering 144) for their first transcriptions. It belongs to the "royal" psalms, it is inscribed "Psalm of David about Goliath", and in the final verses it has two opposite reading options: in the Greek version it is about the temporary well-being of sinners (foreign people), in the Hebrew – about the eternal bliss of the righteous (their own people). The Slavic translation was made from Greek, and the German translation by M. Luther was made from Hebrew. All three poets made interpretations according to the Slavic translation version, showing their loyalty to Orthodox Christianity, and at the same time expressing the hope that the power of the Lutheran Germans in the St. Petersburg Academy of Sciences will soon be put to an end. The allegorical religious and political meaning of the translations of Psalm 143 was revealed in comparison with the German translation and was supposed to sting the enemies of Lomonosov and Trediakovsky at the Academy of Sciences. Three odes were written in August 1743, shortly after the conclusion of the Abo Peace with Sweden (which secured another victory of the Orthodox Russians over the Lutheran Swedes, David over Goliath) and the release of Lomonosov from arrest (where he had been since the end of May due to a conflict with German professors). Apparently, he was the first who suggested choosing psalm 143 for the poetic contest (later he will make its another interpretation according to the Hebrew version). The publication of the "Three Odes" was part of a set of events for the second anniversary of Elizabeth Petrovna's accession to the throne, so it was supervised by the Prosecutor General of the Senate, Prince N.Yu. Trubetskoy.

Key words: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov, Poetry Contests, Verse Paraphrases of Psalms, Psalm 143 (144), Slavic Bible, Orthodox Christianity, Lutheranism, Empress Elizaveta Petrovna, Prince N.Yu. Trubetskoy, the Abo Peace, History of the Petersburg Academy of Sciences.

For citation: Korovin, V.L. "Tri ody parafrasticheskiye psalma 143": religiya i politika v poeticheskom sostyazaniyi Trediakovskogo, Lomonosova i Sumarokova v 1743 g. ["Three Paraphrastic Odes of Psalm 143": Religion and Politics in the Poetry Contest of Trediakovsky, Lomonosov and Sumarokov in 1743]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 40–51. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020757-8

“Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцов, из которых каждой одну сложил особливо” [1] — брошюра, в которой В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков вынесли на суд читателей результаты своего поэтического состязания, предпринятого, как сообщалось в предисловии (“Для известия”), в связи с их спором о сравнительных достоинствах ямба и хорей, свойственны ли одному исключительно “высокость” и “великолепие”, а другому — “нежная умильность”. Двое (Ломоносов и Сумароков) полагали, что свойственны, а один (Тредиаковский) доказывал, что “...обе сия Стопы по всему себе равны, так что одна пред другою никакова преимущества иметь не может, когда оне токмо сами в себе, и к словам

не приложенные, рассматриваются” [1, с. 5]. Имена авторов трех од (двух “иамбических” и одной “хореической”) объявлялись, но не раскрывалось, “который из них которую Оду сочинил”: “...знающие их свойства и дух тотчас узнают сами, которая Ода чрез которого сложена” [1, с. 6].

На титуле брошюры стоял 1744 г., но в Канцелярии АН она была подана в 1743 г. еще 31 августа, а печатана была в декабре тиражом 500 экземпляров (300 за счет авторов и 200 для продажи). 24 декабря 1743 г. генерал-прокурор Сената князь Н.Ю. Трубецкой распорядился напечатать еще 600 экземпляров, однако это было исполнено лишь частично: под тем предлогом, что в его письме было “не объявлено за чей счет стихи сии делать”, дополнительно напечатали только 150 книжек, поставив их на счет авторов (см.: [2, ч. 2, с. 434]¹; [3, с. 76–77]). Если бы распоряжение Трубецкого было исполнено в точности, общий тираж составил бы 1100 экземпляров (при максимальном в то время тираже 1200). Такая забота, проявленная одним из высших государственных чиновников, позволяет усомниться в том, что единственной целью публикации было решение литературно-теоретического вопроса, что просто “...разгорячившиеся писатели решились свой спор передать на суд публики” [4, т. 2, с. 104–105], а потом смогли заинтересовать им просвещенного вельможу (даже если учесть, что Трубецкой, друг князя А.Д. Кантемира и отчим М.М. Хераскова, вообще интересовался поэзией и не раз оказывал влияние на ход литературных дел; см. об этом: [5, с. 8–9]).

Спор о семантике стихотворных метров был чисто теоретическим, состязание трех стихотворцев преподносилось как научный эксперимент, выглядело, по выражению Г.А. Гуковского, “состязанием мыслей, а не людей” [6, с. 253]. В предисловии, написанном Третьяковским, подчеркивалось, что оды трех авторов печатаются не для того, чтобы определить лучшего среди них², а, как можно было понять, чтобы выяснить возможности нового силлабо-тонического стихосложения, общие принципы которого они принимают единодушно:

¹ Здесь см. документы об издании брошюры, опубликованные А.А. Куником, который впервые перепечатал и весь ее текст [2, ч. 2, с. 419–433]; см. также его попутные замечания о ней: [2, ч. 1, с. XLIX–L].

² На самом деле, по справедливому замечанию А.Б. Шишкина, автора одной из наиболее содержательных работ о состязании 1743 г., все обстояло несколько иначе: “Сомнительно, чтобы читающее общество отделяло соревнование од от состязания поэтов. И сами авторы од вне литературного этикета скорее всего считали, что стихотворец, лучший в искусстве, лучше знает и законы искусства. Другими словами, не теоретический спор решался в форме соревнования, но состязание поэтов происходило в форме спора” [7, с. 242].

“...подаются оне Свету не в таком намерении, чтоб рассмотреть и определить, которой из них лучше и великолепнее вознесся. Сие предпочтение могло бы им быть всем троим обидно: ибо праведно есть, что все трое не подлым искусством сочинили свои Стихи, и что трудный и прерывный разум Псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность их жанра и изображений, а удивительное согласие разума здесь предлагается, и от сего заключается, что все добрые Стихотворцы коль ни разно в особливости остроту своих мыслей и силу различают, однако в обществе в один пункт сходятся, и чрез то от должного себе центра не относятся. Чрез сие самое распознаются многие дряхлые на Парнасс ползущие, которые и свои мысли не ясно иногда словами изображают, и стихом весьма не гладким и не правильным...” [1, с. 6]. Последнее замечание ближайшим образом относилось к приверженцам “дряхлого” силлабического стихосложения, а в их числе был и Кантемир, приславший в АН рукопись “Письма Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских”, которую тот же Трубецкой в феврале 1743 г. поручил подготовить к печати (сделать корректуру) Третьяковскому (см.: [8, с. 525–526]; [4, т. 2, с. 91]). Трубецкой и был тем неназванным “приятелем”, которому адресовано “Письмо Харитона Макентина”, где мнение, что “стоп рассуждения ненужно”, высказывается в особом параграфе³. Скрытая полемика с трактатом Кантемира, которая, как показал Ю.В. Стенник, присутствовала в споре о ямбах и хорях [9], вряд ли могла обеспечить поддержку брошюры “трех стихотворцев” со стороны Трубецкого (скорее наоборот), однако именно он выступил с инициативой об увеличении ее тиража более чем вдвое. Значит, он этой полемики не заметил или не придавал ей значения в данном случае, считая главным в книге не теоретический диспут о стихосложении, а нечто другое.

“Три оды парафрастические псалма 143” — книга уникальная и в высшей степени значимая по месту, которое она заняла в истории русской литературы (что отмечали почти все писавшие о ней). Это первое и единственное совместное выступление трех основоположников новой русской литературы; первое в ее истории поэтическое состязание, в котором установились главные черты таких состязаний в XVIII веке [6, с. 253–255] и

³ Квинта Горация Флакка десять писем первой книги / Переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1744. С. 10 (2-я паг.) (“Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских”, глава IV, § 20).

выявилась новая "теория текста" [7, с. 232]. Выход этой книги ознаменовал фактическое завершение реформы стихосложения, начатой в предыдущем десятилетии⁴. И, наконец, три оды, в ней опубликованные, оказались первыми в русской гражданской печати стихотворными переложениями из Священного Писания ("Псалтирь рифмотворная" Симеона Полоцкого печаталась в 1680 г., задолго до появления гражданского шрифта) и первыми опытами в этом роде для всех трех авторов – не только для Сумарокова и Ломоносова, но и для Третьяковского⁵, имевшего за плечами уже продолжительную литературную деятельность. Их переложения 143 псалма – первые в новой русской поэзии библейские парафразы и первые образцы того, что вскоре станут называться "духовными одами" (термин войдет в обиход благодаря Ломоносову), и в какой-то мере эталонные образцы этого жанра, который занимал наивысшую позицию в иерархии лирических жанров вплоть до начала XIX века. Они были образцовыми и в более широком смысле, поскольку в западноевропейской литературной традиции, на которую во многом ориентировались "отцы российского стихотворства", псалтырным переложениям были присвоены функции "учебника поэзии" (о чем писал В.М. Живов, см.: [11, с. 542–543]).

Не все из перечисленных аспектов состязания 1743 г. (так или иначе обсуждавшиеся в научной литературе⁶) могли быть в равной мере

⁴ "Спор <о ямбах и хорях. – В.К.> был нужен, чтобы своеобразно утвердить необратимость произведенных Третьяковским и Ломоносовым перемен, ибо прилагавшиеся образцы переложений псалма 143 должны были доказать, что введение стоп в русском стихосложении стало реальностью" [9, с. 103].

⁵ В "Предупреждении" к переложению всей Псалтири, завершеному Третьяковским в 1753 г., есть прямое свидетельство об этом: "Что более в Псалтирь начал я вникать (по случаю СХLIII псалма, прежде всех других и особенно предложенного при некоем любопытствии), то сильнее отчасу стал быть поражаем великолепием ее слога и чувствовать величие изображаемых всюду в ней вещей" [10, Предупреждение (курсив мой. – В.К.)].

⁶ Некоторые из специальных работ уже цитировались ([6]; [7]; [9]). О месте "Трех од" в истории русской псалмодической лирики писал А. Левицкий ("Литературное значение Псалтири Третьяковского. Гл. II: Первое русское трио и Арфа Давида" [10, с. XXVII–XLI]), им посвящена отдельная большая глава в монографии Л.Ф. Луцевич о Псалтири в русской поэзии XVIII в. [12, с. 141–241]. Из иностранных работ можно назвать статью датских исследователей о стилистических аспектах состязания трех поэтов [13]; ценные замечания о нем есть в недавней работе И.А. Есаулова, посвященной общему вопросу о парафразах в новой русской литературе [14]. Кроме того, спор 1743 г. затрагивается едва ли не в большинстве учебных пособий и работ обобщающего характера, посвященных Третьяковскому, Ломоносову, Сумарокову, русской литературе XVIII века, теории и истории русского стихосложения и т.п.

занимательны для той достаточно широкой публики, на суд которой трое стихотворцев выносили его результаты. В частности, круг читателей, способных понять обсуждаемую в предисловии проблему стихосложения (и владеющих терминами "стопа", "ямб", "хорей"), был явно не очень велик⁷. Большинство же составляли читатели, которые могли заняться самими переложениями, сличая их между собой и с церковнославянским текстом псалма. Именно для таких читателей перед тремя одами он был полностью напечатан (гражданским шрифтом, курсивом) со следующей преамбулой: "...читая может быть заблагорассудится кому сличить Оды с самым подлинным Псалмом, а не имея вскоре Псалтири при себе, может он лишиться сего удовольствия: того ради вносится сюда оный Псалом весь точно" [1, с. 6].

В этой связи важно разобраться, что из себя представляет псалом 143 и почему Третьяковский, Ломоносов и Сумароков именно его выбрали для своего первого опыта в переложениях текстов Псалтири. С точки зрения спора о ямбах и хорях выбор конкретного псалма не имел никакого значения, поскольку все они относились к священной поэзии и их следовало переложать с "высокостью" и "великолепием". Однако выбор был сделан, и, кажется, ему можно найти объяснение.

Прежде чем это сделать, остановимся на вопросе, кто из трех поэтов первым предложил выбрать 143 псалом.

"Все трое", "оба прочие" и "третий из них"

"Известие" Третьяковского о поэтическом состязании 1743 г. существует в двух вариантах – предисловие "Для известия" в книге "Три оды парафрастические псалма 143", вышедшей под новым 1744 г. [1, с. 3–6], и "Рассуждение о стопе ямба и хорей", напечатанное перед "Парафразом псалма 143" во втором томе его "Сочинений и переводов" в 1752 г. (см.: [15, с. 191–194]). Текст "Рассуждения" – видоизмененная версия текста "Для известия", по большей части они дословно совпадают, только в 1752 г. рассказ о споре трех авторов ведется уже от первого, а не от третьего лица, и полностью раскрыто, кто из спорящих какую позицию защищал.

Кто из трех авторов предложил вообще сделать переложения из Псалтири, на этот счет в версиях 1743 и 1752 гг. нет никаких разночтений – это "третий из них", т.е. Сумароков: "На сие третий из них же предлагал, что и он в ИАМБЕ находит высокость... <...> Но чтоб не показалось, что двое

⁷ О круге потенциальных "судий" состязания см.: [7, с. 235–236].

одного хотят преодолеть, и что притом сие дело не может решиться большинством, чтоб позволено так сказать, голосов: того ради он рассуждает, сочинить всем трем некоторой высокой род стихотворения, а именно Оду, а для сего выбрать один Псалом из Псалтири” [1, с. 5]. Тот же текст находим и в издании 1752 г. (перемены только в орфографии: вместо “ИАМБ” — “ямб”, вместо “большеством” — “большинством” [15, с. 193]). К тому времени, после представления на сцене комедии Сумарокова “Тресотиниус” (1750) и многоэтапной “литературной войны” с ним, Третьяковский меньше всего был склонен подчеркивать его заслуги, но не смог погрешить против истины и отнять у Сумарокова честь инициатора состязания 1743 г., первым предложившего переложить один псалом из Псалтири.

Разница в показаниях возникает далее — там, где говорится о выборе конкретного псалма. В первоначальной версии читаем:

Защитник хорая, как прочие оба его называли, хотел было пространнее доказывать <...>. Но *оба прочие не хотели* от него ничего больше слышать, да *только склонили его* к тому, чтоб ему сочинить Оду Хореическую, и *выбрали себе на сие Псалом сто сорок третий* [1, с. 5–6 (курсив мой. — В.К.)].

Ср. в версии 1752 г.:

Я хотел было пространнее доказывать <...>. Но *оба прочие не хотели* от меня ничего больше слышать, только что *второй склонил меня* к тому, чтоб мне сочинить оду хореическую, а *все трое выбрали мы себе на то Псалом сто сорок третий* [15, с. 194 (курсив мой. — В.К.)].

В последней версии (1752) все абсолютно ясно: написать хореическую оду Третьяковского убедил Ломоносов (“второй”), а псалом для переложения они выбрали все втроем сообща. Но в первой версии сказано, что к участию в состязании Третьяковского “склонили” два автора, а в последней — только Ломоносов. Такое изменение могло быть продиктовано нежеланием Третьяковского в 1752 г. признаваться, что когда-то он мог прислушиваться к Сумарокову и принимать его всерьез, поэтому, на наш взгляд, в данном случае большего доверия заслуживает первая версия.

Сообщения о выборе конкретного псалма, при сопоставлении, выглядят еще двусмысленней.

По тексту первоначальной версии получается, что “защитника хорая” к сочинению оды “склонили” “оба прочие”, т.е. не один Ломоносов, а он и Сумароков, и они же — “оба прочие” — “выбрали себе” 143 псалом. Причастность “третьего” к этому выбору остается в тумане: по прямому

грамматическому смыслу фразы он ни при чем (все три сказуемых в предложении привязаны к подлежащему “оба прочие”), но при желании можно это понять и так, что не только эти двое, но и он вместе с ними “выбрали себе” псалом (ведь оду-то он все-таки написал).

Кажется, в 1743 г. Третьяковский намеренно прибежал к косноязычию, чтобы при необходимости иметь возможность откеститься от причастности к выбору 143 псалма. Это они — “*оба прочие*” — “не хотели от него ничего больше слышать”, “склонили его” и “выбрали себе” псалом, а он только поддался им и выполнил потом условия состязания, написав хореическую оду. В 1752 г. он, однако, уже не считает нужным дистанцироваться от выбора псалма и пишет однозначно: “*все трое выбрали мы себе*” псалом 143.

Существует традиция не доверять ни первой, ни второй версии Третьяковского и считать его самого, а не Сумарокова, инициатором и организатором всего состязания. Так, А.А. Куник еще в 1865 г. писал, что “первую мысль, по всей вероятности, подал Третьяковский” [2, ч. 1, с. XLIX–L]. Из новейших исследователей то же мнение высказала Л.Ф. Луцевич: «Идея, как и оформление всего издания “Трех од парафрастических псалма 143”, принадлежит, с наибольшей вероятностью, Третьяковскому» [12, с. 193] (далее доказывается, что и выбор псалма мог принадлежать именно ему). Высказывалось и мнение, что 143 псалом выбрал Ломоносов [16, с. 903] (см. ниже). Однако большинство исследователей все-таки доверяют сообщению в предисловии к “Трем одам” и не оспаривают роль Сумарокова как инициатора состязания (обычно совсем не задаваясь вопросом о выборе псалма).

На наш взгляд, в 1752 г. у Третьяковского не было причин скрывать, что он был инициатором состязания (поскольку его результатами был вполне удовлетворен), а затушевывать роль Сумарокова — причины были. Однако он этого не сделал и повторил, что именно “*третий из них*” подал идею состязания и предложил выбрать псалом из Псалтири. Выбор конкретного псалма, видимо, происходил уже в довольно горячей обстановке, и Третьяковский, может быть, упустил, кто именно — Сумароков или Ломоносов — первым назвал 143 псалом. Кто бы это ни был, остальные, видимо, почти сразу и с восторгом приняли его идею. Поэтому в 1752 г. Третьяковский имел право сказать, что 143 псалом “*все трое выбрали мы себе*”, но вряд ли он первым мог на него указать, иначе он запомнил бы это твердо и потом подчеркнул именно свое первенство, а не написал бы “мы”.

В тексте 1752 г. сравнительно с 1743 г. с помощью этого "мы" слегка затушевывается роль Сумарокова (тут он один из трех, а не один из двух), и это согласуется с отношением к нему Третьяковского в это время.

Есть основания полагать, что именно Сумароков первым указал на 143 псалом или он же сообщая с Ломоносовым, но никак не "все трое". Забегая вперед, заметим, что это связано с их большей, чем у Третьяковского, приобщенностью к немецкому языку и культуре (почему это так — станет ясно из дальнейшего).

* * *

Кто бы первым из трех поэтов ни предложил 143 псалом, у него должны были иметься для этого основания, причем достаточно увлекательные, чтобы двое других сразу же поддержали его выбор. Чем оказался привлекателен или удобен для трех авторов 143 псалом — до сих пор на этот счет некоторые объяснения попыталась дать только Л.Ф. Луцевич: 1) 143 псалом не входит в состав ежедневного богослужения и не мог быть "на слуху" у читателей; 2) содержит в себе "героический" элемент (а в предисловии используется выражение "героический стих" — в изложении позиции первого "защитника ямбов", т.е. Ломоносова); 3) обладает оптимальным для переложения объемом (15 стихов); 4) отличается тематическим разнообразием; 5) «...интересен также по внутренним жанровым определителям, имеющимся в богослужебной литературе, — это не только "песня" прославления Господа, но и "молитва" о победе над врагом» [12, с. 195–196]. Это объяснения верные, но недостаточные, поскольку всем названным параметрам соответствуют хотя и не все, но очень многие псалмы.

На наш взгляд, ответ на вопрос о выборе для переложения 143 псалма лежит на поверхности. Дело в том, что он обладает как минимум двумя *уникальными* особенностями, на которые почему-то пока не обращалось внимание писавших о состязании 1743 г.

Во-первых, это единственный в Псалтири псалом, имеющий надписание "Псалом Давида, к Голиафу", т.е. "[псалом] Давида о Голиафе"⁸. В еврейском оригинале надписания нет, но оно имеется в древнем греческом переводе

⁸ Так с греческого перевел надписание 143 псалма П.А. Юнгеров [17]. Кроме 143 псалма, имя Голиафа в Псалтири встречается еще только в надписании дополнительного 151 псалма, которого не было на еврейском языке (ц.-слав. надписание: "Сей псалом особъ писан, Давидов, и вне числа 150 псалмовъ, внигда единобръствоваше на Голиафа")

(Септуагинте) и всех, с него сделанных, в том числе славянском и — именно в случае со 143 псалмом — латинском (Вульгате).

Во-вторых, в греческом и еврейском вариантах 143 псалма (в еврейской нумерации 144) заключительные стихи (11–15) имеют не мелкие разночтения, а читаются как диаметрально противоположные по смыслу.

Начнем с Голиафа, который, как ни странно, поможет утонить дату спора о ямбах и хорях.

Побежденный Голиаф в августе 1743 года

Разговор трех поэтов о "русском стихосложении" и последовавшее поэтическое состязание состоялись до 31 августа 1743 г., когда готовый текст "Трех од" уже поступил в Канцелярию АН. Нижняя временная граница неясна, но известно, что все это могло быть не раньше начала 1743 г., когда Третьяковский вернулся в Петербург из Москвы (где в ноябре 1742 г. женился) [4, т. 2, с. 89–91]. Весна 1743 г. была наполнена бурными и в основном неприятными событиями в жизни Третьяковского, а в особенности Ломоносова. Всю весну против него велось дело за грубые выходки против немецких профессоров в АН, а 28 мая 1743 г. он был взят под караул и находился в заключении до 8 августа, когда "по болезни" был отпущен к себе на квартиру, где находился под условиями домашнего ареста до начала 1744 г. [3, с. 74–78]. Встреча трех стихотворцев могла состояться и тогда, когда он еще был под караулом [7, с. 233], но все-таки вероятнее, что это произошло уже у него на квартире, куда Третьяковский и Сумароков могли явиться, чтобы поздравить Ломоносова с освобождением (хотя бы частичным), т.е. наиболее вероятная дата их встречи находится между 8 и 31 августа 1743 г.

Трудно поверить, что за такой небольшой срок все трое написали свои оды, а Третьяковский успел еще написать предисловие, оформить книгу и подать ее в Канцелярию АН. Ничего невозможного в этом нет, но зачем могла бы понадобиться такая спешка? Кажется, можно и указать, зачем, и подтвердить эти даты, сопоставив политические события августа 1743 г. с первой из названных выше уникальных особенностей 143 псалма.

7 августа 1743 г., за день до освобождения Ломоносова из-под караула, был подписан Або-ский мир со Швецией, который, в частности, подтвердил условия Ништадтского мира 1721 г. Если встреча трех поэтов состоялась на квартире у Ломоносова, т.е. 8 августа или чуть позже, у них

было уже два повода для праздника, а заодно и повод вспомнить о Давиде и Голиафе.

В панегирической и богослужебной литературе петровского времени, как известно, сложилась устойчивая традиция сравнивать Полтавскую победу Петра I над Карлом XII — православного русского царя над иноверным шведским королем — с победой Давида над Голиафом. Эти образы встречаются во многих текстах того времени — в проповедях Феофана Прокоповича, в школьных драмах (“Божие уничижителей гордых уничижение”), в “Службе благодарственной о великой победе под Полтавой”, написанной Гавриилом Бужинским и Феофилактом Лопатинским, и др. Вне всякого сомнения, эта традиция была хорошо известна Третьяковскому, Ломоносову и Сумарокову. Победоносное завершение очередной русско-шведской войны (хоть и проходившей для России далеко не столь драматичным, а вместе с тем и блестящим образом, как Северная война) давало повод для актуализации этой традиции.

В августе 1743 г. “дочь Петрова” (новый Давид) готовилась торжествовать победу над шведами — новым собирательным Голиафом, преемниками прежнего Голиафа, который был повержен ее отцом. Аналогия напрашивалась сама собой и могла подсказать выбор для переложения 143 псалма — единственного в Псалтири, который, по надписанию, посвящен воспоминанию о победе Давида над Голиафом. Более того, именно в контексте окончания русско-шведской войны в августе 1743 г. сделанный тремя поэтами выбор становится более понятен.

Два варианта 143 псалма

Вторая уникальная особенность 143 псалма, как уже было сказано, это наличие двух противоположных по смыслу вариантов его чтения в заключительных стихах (11–15), один из которых восходит к греческому переводу (Септуагинте), а другой — к еврейскому оригиналу (где этот псалом имеет и другой номер — 144).

С еврейского языка в XIX веке был сделан русский синодальный перевод Ветхого Завета, в том числе Книги Псалмов (но оставлена их греческая нумерация); стихи 11–15 псалма 143 в нем читаются так:

Избавь меня и спаси меня от руки сынов иноплемennых, которых уста говорят суетное и которых десница — десница лжи. Да будут сыновья наши, как разросшиеся растения в их молодости; дочери наши — как искусно изваянные столпы в чертогах. Да будут житницы наши полны, обильны всяким хлебом; да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитях

наших; да будут волы наши тучны; да не будет ни расхищения, ни пропажи, ни воплей на улицах наших. Блажен народ, у которого это есть. Блажен народ, у которого Господь есть Бог.

С греческого сделан славянский перевод, текст которого и помещен в брошюре “Три оды парафрастические псалма 143”:

Избави мя, и изми мя из руки сынов чужих: ихже уста глаголаша суету, и десница их, десница неправды. Ихже сынове их яко новосаждения водруженная в юности своей: Дщери их удобрены, преукрашены, яко подобие храма. Хранилища их исполнена, отрывающая от сего в сие. Овцы их многоплодны, множащяся во исходищах своих. Волове их толсти. Несть падения оплоту, ниже прохода, ниже вопля в стогнах их. Ублажиша люди, имже сия суть. Блажени людие, имже Господь Бог их [1, с. 7]⁹.

Для большей ясности и полноты картины приводим те же стихи в переводе П.А. Юнгера с греческого на русский язык:

11. Избавь меня и изми меня из руки сынов чужих, коих уста говорили суетное и десница коих десница неправды. 12. Сыновья коих — как отрасли, крепко укоренившиеся в юности своей, дочери их убраны и украшены на подобие храма. 13. Житницы их полны, (от избытка) пересыпается из одного (отделения) в другое, овцы их многолюдны, размножаются на путях своих, волы их тучны. 14. Нет трещин в ограде (у них), ни прохода (через нее), ни крика на площадях их. 15. (Другие) считали счастливым народ, у которого это есть, (но) блажен народ, у которого Господь есть Бог его [17].

Как видно, в еврейском варианте псалма речь идет о будущем (чаемом, вечном) блаженстве праведников, имеющих правую веру (своего народа), а в греко-славянском — о временном земном благополучии грешников, иноверцев (чужого народа)¹⁰.

Все святоотеческие христианские толкования 143 псалма, авторитетные как для православных, так и для католиков (Афанасий Великий, Августин, Иоанн Златоуст, Феодорит Кирский и др.), основываются на греческом варианте, причем особое значение в них придается поучениям о бренности земного благополучия. Вот, например, как объясняет эти стихи Иоанн Златоуст: “Здесь он <Псалмопевец. — В.К.> описывает

⁹ Цитируем псалом по тексту в брошюре “Три оды”. От стандартного текста Елизаветинской Библии, появившейся в 1751 г., он, впрочем, отличается только знаками препинания (помимо того, что она печаталась церковным, а не гражданским шрифтом).

¹⁰ Это разночтение в связи с брошюрой “Три оды парафрастические псалма 143” ранее уже отмечалось в другой нашей работе [18, с. 9], но только попутно, без развернутой аргументации.

мирское благополучие и богатство... <...> Указав на богатство всякого рода, изобразив его словом, присовокупив мнение о нем других людей, сам он не испытывает ничего человеческого и не считает завидными тех, которые обладают таким богатством, но, презирая все это, убажует истинное сокровище. Другие, говорит, считают блаженными людей, имеющих это; а я убажую людей, *имже Господь Бог их*, полагая в этом одном все их довольство, благосостояние, богатство. Те блага проходят и исчезают; а это блаженство остается постоянно, и вместо овец, детей, волов, оград и виноградников, убажение Бога будет и богатством и безопасностью и непреодолимой стеною. <...> Поэтому, если ты увидишь людей, которые живут в таком изобилии, но ведут жизнь порочную, то, хотя бы вся вселенная считала их блаженными, ты считай их жалкими и несчастными; а людей, преданных Богу, признавай достойными подражания и блаженными"¹¹.

Сумароков, Третьяковский и Ломоносов — именно в таком порядке их стихотворения расположены в книге "Три оды" — следовали славянскому тексту, тут же полностью напечатанному, т.е. греческому варианту 143 псалма, принятому у православных и католиков, и в соответствующих строфах своих "парафрастических од" описывали земное благополучие ("счастье" — именно это слово использовали все три поэта) тех людей, к числу которых они сами не принадлежат, — иноверцев, грешников, врагов. У Сумарокова это описание занимает последние три строфы, у Третьяковского и Ломоносова — четыре (строфы разного объема: 6, 10 и 4 стиха соответственно). Приводим заключительные строфы трех од:

С у м а р о к о в

О! вы счастливые народы,
Имуши таковую часть!
Послушны вам земля и воды,
Над всем, что зрите, ваша власть:
Живущие ж по ТВОРЧЕЙ воле,
Еще сто крат счастливы боле. [1, с. 11]

Т р е т ь я к о в с к и й

Вас толь счастьем цветущих,
Всяк излишно здесь блажит;
Мал чтит и велик идущих,
Уступая ж путь, дрожит:
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащены:
Токмо тот народ блажен,
БОГ с которым пребывает;

И которой ВЕЧНА знает,
Сей есть всем преукрашен. [1, с. 18]

Л о м о н о с о в

Щастлива жизнь моих врагов!
Но те светлые веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым ВЫШНИЙ САМ покров. [1, с. 22]

Сравнивая эти строфы, можно заметить, что градус негодования против "счастливых" последовательно возрастает: у Сумарокова они никак не осуждаются, а просто сказано, что "живущие по Творчей воле" будут еще счастливее; у Третьяковского уже речь идет об угнетателях, которых "всяк" должен хвалить и почитать, уступая им дорогу и дрожа от страха ("Мал чтит и велик идущих, / Уступая ж путь, дрожит"); Ломоносов же высказывается об этих "счастливых" совсем прямо и однозначно — "мои враги": "Щастлива жизнь моих врагов!". И именно его строфой заканчивается книга.

Оставляя сейчас в стороне вопрос об адекватности трех "парафрастических од" исходному для их авторов славянскому тексту псалма и православной традиции его толкования (каждый, в общем-то, постарался им соответствовать, лишь по-разному расставив акценты¹²), зададимся вопросом об их историческом и биографическом контексте, т.е. кого наши авторы могли подразумевать под этими неправедными любимцами "счастья".

Применительно к Ломоносову ответ на этот вопрос уже давался, и неоднократно, поскольку нахождение автобиографических мотивов в его переложениях псалмов образует устойчивую и давнюю, восходящую к XIX веку научную традицию¹³. Так, например, прямой ответ можно найти в комментариях В.Н. Макиевой к академическому ПСС Ломоносова, где также высказано предположение, что 143 псалом для состязания 1743 г. выбрал именно он: «Едва ли мы ошибемся, если скажем, что данный псалом был выбран, вероятно, не Сумароковым, а Ломоносовым. 1743 год был, как известно, годом острого конфликта Ломоносова с профессорами-иностранцами. 28 мая он по их жалобе был арестован и до начала следующего года оставался под стражей. При этих условиях тема псалма 143, где идет речь об избавлении

¹² С этой точки зрения "Три оды" рассматриваются в монографии Л.Ф. Луцевич [12, с. 141–241], которая приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что в целом каждая ода по-своему соответствует христианской традиции толкования 143 псалма.

¹³ Об этом см., например, в разделе о ломоносовских переложениях псалмов в нашей книге: [19, с. 29–60].

¹¹ *Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. Т. 5. Кн. 2. СПб.: Издание С.-Петербургской Духовной академии, 1899. С. 518–519.*

“из руки сынов чуждых”, была, разумеется, весьма созвучна тогдашнему настроению Ломоносова и открывала ему возможность излить свои собственные чувства» [16, с. 903].

Но таким же в 1743 г. было и настроение Третьяковского, он также страдал от притеснений со стороны “профессоров-иностранцев”, хотя и не подвергался аресту, и имел причины жаловаться на недооценку его заслуг в Академии, что и делал тогда неоднократно, иногда намекая, а иногда прямо заявляя, что его, русского православного человека, притесняют, а все преимущества получают немцы. Примеров немало¹⁴, ограничимся одной цитатой. 18 августа 1743 г. Третьяковский подал прошение в Канцелярию АН, чтобы его назначили библиотекарем или хотя бы просто повысили ему жалованье, и между прочим высказался о недавно назначенном “унтер-библиотекаре” И.И. Тауберте, зяте И.Д. Шумахера: “Однако он не природной поданной Ея Императорского Величества, и в вечную службу присягою не обязан, и исповедания лютеранского, для того быть при том таким людям кажется неприлично, а еще и опасно, ибо может быть что такие находятся книги, или впредь будут при библиотеке из российских, о которых неприродным и нероссиянам и знать не надлежит...” [8, с. 839 (курсив мой. — В.К.)] (см. также: [4, т. 2, с. 95]). В этом тексте показательным замечанием о вероисповедании Тауберта, которое трудно отнести к деловым аргументам (в отличие, например, от замечания о его чуждом подданстве).

Ломоносов и Третьяковский в 1743 г. боролись не просто с “профессорами-иностранцами”, а с немцами-лютеранами, в числе которых были те же Тауберт и его тесть Шумахер, сумевший оправдаться в растратах, в которых его обвинили в 1742 г., выйти из-под ареста к началу 1743 г., а в декабре уже вновь возглавить Канцелярию АН. Помог ему в этом, как позднее писал Ломоносов, “сильный тогда при дворе человек иностранный”, т.е. еще могущественный тогда граф И.И. Лесток [4, т. 1, с. 40], тоже лютеранин по вероисповеданию.

Напомним эти обстоятельства, вернемся к 143 псалму. В Библии Лютера он имеет номер 144 (по еврейской нумерации) и переведен с еврейского языка, как и в других немецких переводах, которые могли побывать в руках у Ломоносова в период его обучения в Германии и Сумарокова, овладевшего немецким языком в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в 1730-х годах.

¹⁴ См., например, у П.П. Пекарского в “Жизнеописании В.К. Третьяковского” [4, т. 2, с. 89–102].

С еврейским вариантом 143 псалма они были знакомы по одному из немецких переводов, причем знакомство это уже к моменту их поэтического состязания имеет надежное подтверждение. Об этом проговорился Третьяковский, придирчиво в 1750 г. разобравший “парафрастическую оду” Сумарокова (в “Письме <...> от приятеля к приятелю”, написанном в ответ на появление комедии “Тресотиниус”). Насчет стихов “И дщери их преукрашенны, / Подобьем красоты церквей” [1, с. 11] в разборе Третьяковского сказано: “...употребил он слово *Церквей*. О! странного незнания: увидев, что в немецком переводе сего псалма стоит *Кирхе*; а ныне у нас тож самое называется Церковь; то и угодно ему тотчас стало слово употребительное ныне. Но, государь мой; помнил ли он, что он Давидов псалом расцветивает? Буде помнил, то надобно ему было знать, что мы иудейского Храма не называем Церковию, так как языческие капища называются иногда у нас Храмами ж, а не Церквами. Слово Церковь есть христианского стилия; а хотя в простом языке и называется здание святое церковию; однако Церковь в точном своем знаменовании не приемлется за здание, но за собрание верующих во Христа” [2, т. 2, с. 450].

В переводе Лютера в этом псалме нет слова “Kirche”. Возможно, Третьяковский имел в виду другой перевод, а может, просто припомнил известное немецкое слово, но знакомство Сумарокова с какими-то немецкими переводами псалма к 1743 г. он таким образом подтвердил, засвидетельствовав также свою осведомленность об этом факте. Это значит, что, выбрав 143 псалом для переложения, все трое уже точно знали о наличии двух его вариантов. Там, где в славянском тексте и “парафрастических одах” обличаются наслаждающиеся земным благополучием иноверцы (они же грешники и враги), в еврейском (немецком) варианте прославляется свой народ, благоденствующий благодаря правой вере. Неприятели Ломоносова и Третьяковского из числа немцев-лютеран, читая “Три оды”, не могли этого не заметить.

Иносказательный религиозно-политический смысл переложений 143 псалма, обличающих неправедную жизнь любимцев “счастья”, раскрывался в сопоставлении с немецким переводом и должен был уязвить врагов Ломоносова и Третьяковского в Академии наук, а также навести на неприятные мысли их покровителей при дворе. Поэты не только обличали своих притеснителей, но и выражали надежду на их скорое падение и свое возвышение. Это, кажется, является одним

из подтекстов эпитафия, напечатанного на второй странице книги "Три оды":

Sic honor et nomen divinis Vatribus, atque
Carminibus venit - - - -
Horat. de Art poet. vers. 400–401.

то есть:

Сим образом искусные Стихотворцы, и их
Стихи честь и славу себе получают
Горац. о Наук. Стихотвор. ст 400 и 401.

"Сим образом" — это благодаря своему искусству стихотворства и с помощью Божией, на которую авторы уповают в напечатанных далее одах. Латинское "divinis vatribus" переведено неточно ("искусные стихотворцы") и, видимо, намеренно (позднее Тредиаковский переведет это как "божественные прорицатели", а вместо "получают" напишет "получили"¹⁵). "Честь и слава" ожидают авторов брошюры, а те, кто сейчас наслаждается "счастьем" и о ком идет речь в последних строках трех од, скоро лишатся своих преимуществ.

Оснований для таких надежд в 1743 г. было достаточно: приближалась 2-я годовщина восшествия на престол Елизаветы Петровны, которую такие же немцы-лютеране долго оттесняли от трона, уже год назад были осуждены и отправлены в ссылку Б.К. Миних и А.И. Остерман (процессы проходили под председательством того же Трубецкого, который потом будет заботиться об увеличении тиража "Трех од"), а в самом 1743 г. императрице вдруг "показалось неприличным, что церкви иностранных исповеданий находятся в Петербурге на самом видном месте — на Невском проспекте", и она "велела приискать для них другие, более отдаленные места" [20, с. 204]. Последнее все-таки не было реализовано, но такой проект был, и авторы "Трех од", "divinis vatribus", наверняка слышали о нем.

Последняя строфа ломоносовской оды на последней странице книги в сопоставлении с немецким текстом псалма выглядела как угроза процветающим и надеющимся на дальнейшее процветание "врагам" со стороны тех, "которым ВЫШНИЙ САМ покров".

* * *

В брошюре "Три оды парафрастические псалма 143" устанавливались главные черты будущей духовной оды, которые, однако, пока сочетались с тематикой и творческой мотивацией, более

характерными для торжественных од — жанра, который Тредиаковский, Ломоносов, а отчасти и Сумароков к тому времени уже освоили (его первые оды были написаны в том же 1743 г.). Выбор для состязания 143 псалма был связан с его уникальными особенностями (наличием надписания "Давиду, к Голиафу" и двух вариантов чтения в заключительной части) и диктовался желанием поэтов откликнуться на государственные события — Абоский мир со Швецией в августе 1743 г. и предстоящую 2-ю годовщину восшествия на престол Елизаветы Петровны. Издание книги в конце 1743 г. выглядело как политическая акция, входящая в комплекс мероприятий к этой годовщине. Возможно, этим объясняется участие князя Трубецкого в ее издании.

Все три парафразиса в книге имеют черты оды на коронацию и оды на победу, хотя остаются при этом духовными, религиозными по сути стихотворениями. Антинемецкая направленность книги соответствовала общественным ожиданиям того времени и политике императрицы, но это вполне могло быть понято только в сопоставлении с немецкими же переводами того же псалма.

Выбор греко-славянского, а не еврейского (немецкого) варианта 143 псалма был в какой-то мере предопределен с того момента, когда три стихотворца решили остановиться именно на нем. В противном случае было бы нельзя рассчитывать на публикацию переложений, ведь и без того это была очевидная новация, которая для многих выглядела подозрительно.

В литературном отношении выбор между немецким и славянским текстами псалма в пользу последнего — выбор, сделанный в связи с реформой стихосложения и на ее завершающем этапе, — стал еще одним способом дистанцироваться от немецкого образца этой реформы, о котором начинавший ее Тредиаковский упорно молчал (см.: [21]).

Этот выбор соответствовал также религиозным убеждениям авторов и давал им возможность обнаружить свою верность Православию и почитание Славянской Библии. Тредиаковский и Ломоносов признавали ее каноническое достоинство, что не исключало критического отношения к ее текстам, но не позволяло давать в своих переложениях другой, отличный от них "разум" (их позднейшие высказывания на этот счет вполне определены; см., например, [19, с. 11]). Сумароков же, не связанный традициями церковной учености и в большей степени европейски ориентированный, впоследствии оказался более восприимчивым к новому в сфере религии, а в частности и

¹⁵ В прозаическом переводе "Науки поэзии" Горация в первом томе "Сочинений и переводов" (1752): "Сим честь и славу божественные прорицатели и их стихи себе получили" [19, с. 65].

к достижениям библеистики. К 1774 г. он переложит всю Псалтирь, причем многие псалмы — по еврейским вариантам (с немецкого).

Так Сумароков поступил и с 143 псалмом, повторно к нему обратившись через 30 лет, при подготовке к печати сборника “Стихотворения духовные”. Здесь появится его второе переложение этого псалма, сделанное по еврейскому варианту. Приводим его последние строфы:

Да возвратятся во безсилы,
Иноплеменники к себе!
А мы благодаря Тебе,
Здесь будем жить во изобилии.

Не двинется спокойство наше,
И здраво отроки взростут,
Девицы наши процветут,
Сто крат весенней розы краше.

Не будем во трудах ленивы,
Умножим гучные стада,
И после пота и труда,
Обогатятся наши нивы.

Скончай бурливую погоду,
И беспокойство прекрати,
И щедро очи обрати,
К царю и ко всему народу! [22, с. 153–156]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцов, из которых каждой одну сложил особливо. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1744. 22 с.
2. Куник А.А. Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. LVI, 223+VI, с. 225–530.
3. Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова / Сост. В.Л. Ченакал, Г.А. Андреева, Г.Е. Павлова, Н.В. Соколова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 436 с.
4. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870–1873. LVIII, 774+LVIII, 1042 с.
5. Ивинский Д.П. М.М. Херасков и русская литература XVIII — начала XIX в. М.: Р. Валент, 2018. 216 с.
6. Гуковский Г.А. К вопросу о русском классицизме: (Состязания и переводы) [1928] // Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 251–276.
7. Шишкин А.Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Сб. 14. Л.: Наука, 1983. С. 232–246.
8. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 5 (1742–1743). СПб.: Тип. Акад. наук, 1889. 1024 с.
9. Стенник Ю.В. К вопросу о поэтическом состязании 1743 г. // Русская литература. 1984. № 4. С. 100–104.
10. Trediakovskij V.K. Psalter 1753. Erstausgabe / Besorgt und kommentiert von. A. Levitsky; Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; München; Wien; Zurich: Ferdinand Schöningh, 1989. LXXXIV+663 S. (Biblia Slavica: Serie 3: Band 4/b).
11. Живов В.М. К предьстории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века [1993] // Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 532–556.
12. Луцевич Л.Ф. Псалтирь в русской поэзии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 608 с.
13. Jensen K.B., Meiler P.U. Paraphrase and Style. A stylistic analysis of Trediakovskij's, Lomonosov's and Sumarokov's paraphrases of the 143rd psalm // Scando-Slavica. 1970. Т. 16. P. 57–73.
14. Есаулов И.А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66.
15. Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н.Ю. Алексеева. СПб.: Наука, 2009. 668 с. (Лит. памятники).
16. Ломоносов М.В. Полн. собр. сочинений: [В 11 т.]. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.
17. Юнгеров П.А. Псалтирь в русском переводе с греческого текста LXX с введением и примечаниями. Казань: Центральная тип., 1915. XIV, 224 с.
18. Коровин В.Л. Библиейские темы в русской поэзии XVIII — первой половины XIX века. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 491 с.
19. Коровин В.Л. Книга Иова в русской поэзии XVIII — первой половины XIX века. М.: Водолей, 2017. 208 с.
20. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 11. История России с древнейших времен. Т. 21–22. М.: Мысль, 1993. 620 с.
21. Клейн И. Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте // XVIII век. Сб. 19. СПб.: Наука, 1995. С. 15–42.
22. Сумароков А.П. Стихотворения духовные. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774. 253, 5, 52, [3] с.

REFERENCES

1. *Tri ody parafrasticheskiye psalma 143...* [Three Paraphrastic Odes of Psalm 143...]. St. Petersburg, 1744. 22 p. (In Russ.)
2. Kunik, A.A. (ed.). *Sbornik materialov dlya istorii Imperatorskoj Akademii nauk v XVIII veke* [Collection

- of Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences in the 18th Century]. St. Petersburg, 1865, Part 1–2. LVI, 223+VI, 225–530 p. (In Russ.)
3. *Letopis' zhizni i tvorchestva M.V. Lomonosova* [Chronicle of the Life and Work of M.V. Lomonosov]. Moscow, Leningrad, 1961. 436 p. (In Russ.)
 4. Pekarsky, P.P. *Istoriya Imperatorskoj Akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg]. St. Petersburg, 1873, Vol. 1–2. LVIII, 774+LVIII, 1042 p. (In Russ.)
 5. Ivinsky, D.P. *M.M. Kheraskov i russkaya literatura XVIII – nachala XIX v.* [M.M. Kheraskov and Russian Literature of the 18th – early 19th Century]. Moscow, 2018. 216 p. (In Russ.)
 6. Gukovsky, G.A. *K voprosu o russkom klassicizme (sostyazaniya i perevody)* [Russian Classicism Revisited (Competitions and Translations)] (1928). *Gukovsky, G. A. Rannie raboty po istorii russkoy poezii XVIII veka* [Early Works on the History of Russian Poetry of the 18th Century]. Moscow, 2001, pp. 251–276. (In Russ.)
 7. Shishkin, A.B. *Poeticheskoye sostyazaniye Trediakovskogo, Lomonosova i Sumarokova* [Poetry Contest of Trediakovsky, Lomonosov and Sumarokov]. *XVIII vek. Sb. 14* [The 18th Century. Collection 14]. Leningrad, 1983, pp. 232–246. (In Russ.)
 8. *Materialy dlya istorii Imperatorskoj Akademii nauk* [Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 5 (1742–1743). St. Petersburg, 1889. 1024 p. (In Russ.)
 9. Stennik, Ju.V. *K voprosu o poticheskom sostyazanii 1743 g.* [On the Question of the Poetry Contest of 1743]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1984, No. 4, pp. 100–104. (In Russ.)
 10. Trediakovskij, V.K. *Psalter 1753. Erstausgabe*. Besorgt und kommentiert von. A. Levitsky; Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; Munchen; Wien; Zurich, 1989. LXXXIV+663 S. (Biblia Slavica: Serie 3: Band 4/b). (In Russ.)
 11. Zhivov, V.M. *K predystorii odnogo perelozheniya psalma v russkoy literature XVIII veka* [To the Prehistory of one Paraphrase of the Psalm in Russian Literature of the 18th Century] (1993). Zhivov, V.M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kultury* [Researches in the History and Prehistory of the Russian Culture]. Moscow, 2002, pp. 532–556. (In Russ.)
 12. Lutsevich, L.M. *Psaltyr' v russkoy poezii* [The Book of Psalms in Russian Poetry]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 608 p. (In Russ.)
 13. Jensen K.B., Meiler P.U. Paraphrase and Style. A stylistic analysis of Trediakovskij's, Lomonosov's and Sumarokov's paraphrases of the 143rd psalm. *Scando-Slavica*, 1970, T. 16, pp. 57–73.
 14. Esaulov, I.A. *Parafraz i stanovleniye novoj russkoy literatury (postanovka problemy)* [Paraphrasis and the Establishment of the New Russian Literature (To the Problem Statement)]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, Vol. 17, No. 2, pp. 30–66. (In Russ.)
 15. Trediakovskij, V.K. *Sochineniya i perevody kak stikhami, tak i prozoyu* [Works and Translations in both verse and prose]. Ed. by N.Ju. Alexeeva. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 668 p. (In Russ.)
 16. Lomonosov, M.V. *Polnoye sobraniye sochinenij v 11 t. T. 8* [Complete Works in 11 Vols. Vol. 8]. Moscow, Leningrad, 1959. 1280 p. (In Russ.)
 17. Yungerov, P.A. *Psaltir' v russkom perevode s grecheskogo teksta LXX s vvedeniyem i primechaniyami* [Psalter in Russian Translation from the Greek text LXX with Introduction and Notes]. Kazan, 1915. XIV, 224 p. (In Russ.)
 18. Korovin, V.L. *Bibleyskiye temy v russkoy poezii XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [Biblical Themes in Russian Poetry of the 18th – First Half of the 19th Century]. Dis. ... doct. philol. nauk. Moscow, 2017. 491 p. (In Russ.)
 19. Korovin, V.L. *Kniga Iova v russkoy poezii XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [The Book of Job in Russian Poetry of the 18th – First Half of the 19th Century]. Moscow, 2017. 208 p. (In Russ.)
 20. Solovyov, S.M. *Sochineniya v 18 kn. Kn. 1. Istoriya Rossii s drevnejshikh vremyon. T. 21–22* [Works in 18 books. Book 11. History of Russia since Ancient Times. Vol. 21–22]. Moscow, 1993. 620 p. (In Russ.)
 21. Kleyn, I. *Reforma stikha Trediakovskogo v kulturno-istoricheskom kontekste* [The Reform of Trediakovskij's Verse in a Cultural and Historical Context]. *XVIII vek. Sb. 19* [The 18th Century. Collection 19]. Leningrad, 1995, pp. 15–42. (In Russ.)
 22. Sumarokov, A.P. *Stikhotvoreniya dukhovnye* [Spiritual Poems]. St. Petersburg, 1774. 253, 5, 52, [3] p. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 31 марта 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 апреля 2022 г.
Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.
Дата публикации: 30 июня 2022 г.*

*Received by Editor on March 31, 2022
Revised on April 15, 2022
Accepted on April 29, 2022
Date of publication: June 30, 2022*